

18+ Владимир Михайлович Далецкий

ПОБЕГ В НИКУДА

Главное —
никогда не изменять себе

Владимир Далецкий

**Побег в никуда. Главное –
никогда не изменять себе**

«Издательские решения»

Далецкий В. М.

Побег в никуда. Главное – никогда не изменять себе /
В. М. Далецкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-688263-8

В повести «Побег в никуда» рассказывается о девушке, которая не по своей воле становится участницей всевозможных приключений, происходящих с ней в реальном мире и других измерениях. Благодаря своей душевной целостности и чистоте, она выходит победительницей из всевозможных испытаний, выпавших на ее долю.

ISBN 978-5-00-688263-8

© Далецкий В. М.
© Издательские решения

Побег в никуда

Главное – никогда не изменять себе

Владимир Михайлович Далецкий

© Владимир Михайлович Далецкий, 2025

ISBN 978-5-0068-8263-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владимир Далецкий.

Побег в никуда

Надоело. Что? Да все на свете! Эти постоянно ноющие и пилящие родители. Эти друзья, способные думать только о себе! Эта бессмысленно орущая школа. Тупые сверстники. Уже в 9-м, а в голове только одно: гы-гы, да гы-гы!

А эта дылда классуха Эмилия Петровна с ее: «Некультурно!», «Дебилы!», «Асоциально!», «Достали!» и др. Эта так называемая подруга Нелли с ее безобразной челкой, прыщавым носом и этим призывно-наглым: «Мальчики!». Но главное – этот Степанов. Я в него с третьего класса влюблена была, а он меня не только никогда не замечал, но еще и презрительно так смотрел. Конечно, лучший ученик в классе. А для меня алгебра – темный лес! Я что, виновата, что у меня предметно-образное мышление! Зато я лучше всех в классе рисую. Это меня и подвело. Однажды, совершенно забывшись на уроке химии, профиль Степана, так его дразнят в классе, в тетрадке нарисовала.

А моя подруга Нелли подсунула Степанову мою тетрадь. Говорит, что хотела приколоться. И приколотась! Степанов посмотрел и молвит с апломбом:

– Валечка Контуженая, постель.

Типа такой продвинутый, мол, постелью написано. А этим сексуально озабоченным переросткам из нашего класса одно на уме, мол, «гы-гы», «постель»! «Кунжутную Степан в постель тащит!» Тьфу!

Как вы уже догадались, моя фамилия Кунжутная. И вот в первый раз мой любимый, хоть и чисто платонически, парень так издевательски исковеркал мою фамилию. Конечно, я не смогла стерпеть. Схватила книгу по биологии и – бах его по голове: в «разумную» голову дыхание жизни. Он не ожидал от меня такой прыти. Обычно я тихая, спокойная. Он и представить не мог, что какая-то замухрышка, а нужно сказать, внешность у меня, честно говоря, не броская, его, лучшего в школе боксера, посмеет так наказывать.

Покраснел, бедняга, видите ли, ему стыдно сделалось. А как беззащитную девушку обижать, так на это совести хватает! Вижу: хочется ему встать и двинуть мне. Но вроде бы неприлично – считает себя настоящим джентльменом. Вот и снизошел до того, чтобы меня убить словом – это можно, видимо, и настоящему джентльмену. Вот и молвит мой кумир так презрительно:

– Да, жертва семейного воспитания!

Все довольные гогочут, даже эта крыса, моя подруга! Так стало мне обидно почему-то, хоть знаю я цену этим друзьям-подругам и одноклассникам. Но глупое сердце – у него своя логика. Все в душе перевернулось – мой платонический возлюбленный, если так можно ска-

зять, мне в глаза плюнул. И все против меня! Ни одного хотя бы мимолетного взгляда, не то, что слова, в поддержку.

Ну, плюнула и я в них всех, своих одноклассников! Даже не знаю, в кого конкретно попала, но хочется надеяться, что в этого надутого павлина Степанова. Забыла даже свою сумку с учебниками, хлопнула дверью и побежала по коридору, потом вниз по лестнице. Проскочила мимо раздевалки – и на улицу. Даже не заметила, что холодно. Бегу, слезы вытираю. Люди от меня шарахаются – поздняя осень на дворе, а я без куртки. Сколько так бежала, не помню. Чуть пришла в себя, огляделась, оказывается, что я уже очутилась на улице Скрипина, а это в трех кварталах от нашего дома.

Вот здесь я и почувствовала, что вся продрогла. Ветер был холодный, пронизывающий. И дрожь меня пробрала такая, что только зубы стучат. Ускорила шаг, но пока дошла до дома, совсем замерзла. Хорошо, что сосед с третьего этажа, лысый дядечка, уса́тый, дверь – она у нас с домофоном – передо мной открыл: выходил он в это время. Странно так на меня посмотрел, мне кажется, даже не узнал.

Хорошо, что ключи запасные от квартиры у соседки, тети Тани, были. Та, правда, подозрительно на меня посмотрела, мол, как она любит говорить в таких случаях, все ли у тебя в порядке, девушка? Открыла я квартиру, вошла, закрыла за собой дверь и – бах на пол. От обиды выть хочется по-волчьи! Но терплю, вдруг соседка еще на лестничной клетке. Укусила больно себя только за руку – легче, вроде, стало. Встала, иду в свою комнату – все внутри дрожит.

Надоело! Все надоело! Может, я совсем не нужна на этом свете? Никому не нужна! И себе тоже. Вот возьму и уйду. Убегу отсюда. Побег в никуда – вот мой выход из этой ситуации. Назад дороги нет. В своей комнате-клетушке посмотрела с отвращением на свою убогую обстановку. Что меня здесь держит? Тело все сотрясает от дрожи. Натянула свитер – не помогает. Пошла в ванную, включила теплую воду. Сейчас согреюсь – раз и навсегда! Теперь в столовую за ножом. Выбрала, кажется, самый острый. Попробовала большим пальцем. Ой, как обожгло! Кровь появилась. Как в детстве, пососала палец. И так вдруг стало жаль себя. Неужели меня больше не будет? Как будто выключили телевизор. Все, черный экран! И нет будущего – только прошлое. И то в воспоминаниях, видимо, только моих родителей.

Одноклассники, может быть, и придут на похороны, потолкаются в сторонке. Может быть, скинут на какие-нибудь дешевые цветы. Валька Русиянова, наша общественница, будет подходить ко всем с траурным видом, мол, учудила эта Кунжутная, но нужно купить цветы, чтобы в школе пальцами на наш класс не показывали. Валентинов театрально протянет десять рублей. Мол, на такое дело не жалко! Степанов сделает хорошую мину при плохой игре и продекламирует, демонстрируя свою исключительность, что-то вроде этого: «Я мир сравнил бы с шахматной доской. А пешки – это мы с тобой. Подвигают – и сунут в темный ящик на покой!».

Классуха скажет на кладбище речь, прочувствованную. Мол, какая нелепая смерть! Столько было надежд! И даже слезу пустит – она это любит делать очень театрально, когда мы ее, наконец, «достаем». Тьфу, даже думать обо всей этой театральной постановке не хочется. Только вот мать жалко, да и отца тоже. Они ведь меня любят. В принципе, ничего не жалеют для меня. Мама, сколько я себя помню, всегда с таким чувством говорит: «Наша принцесса!». И мне это когда-то нравилось: чувствовать себя принцессой. Но теперь-то я понимаю, что это что-то вроде насмешки. Какая из меня принцесса?! Если только в роли короля отец – водитель, а в роли королевы мать – продавец. А посмотрите на мои тряпки – по-другому мой гардероб не назовешь. Степанов морщится, когда меня видит, мол, «бал безвкусицы». Посмотрела бы я, как бы он сварганил себе свой фирменный прикид за грошовую зарплату моих родителей.

Ну что, лезть или не лезть в ванную, наполненную теплой водой? Я-то понимаю, что здесь игра заканчивается. Если же перейду этот Рубикон, то назад дороги нет. Просто собственная гордость не позволит отступить. Это значит, потерять всяческое уважение к себе. Вот только

проблема – не лезть же в ванную в свитере. Хоть, как говорится, «в морге тебя переоденут». И все же не хочется, чтобы те, кто меня найдут, увидели в розовой воде синего цыпленка. Потом начнут рассказывать всем, на кого я была похожа.

Звонят в дверь. Я уже ногу занесла, чтобы поставить в ванну. Все вдруг покачнулась, и вот па-да-ю! Что со мной? Неужели упала? Нет, мне это показалось. Вот стою спокойно на полу возле ванны. Голова, правда, подозрительно побаливает, кажется, все дело в затылке. Открывать или не открывать дверь? Открывать, а то еще спасатели ввалятся, а я еще не дошла до кондиции. Тогда точно психушка! Так уже с Кэт из соседнего дома было. А сколько о ней посудачили, мол, сопливая Джульетта. Вот невезуха! Скорее замести следы. Нож – под ванную.

– Да, кто там? – спрашиваю томным голосом.

– Дочка, это я, мама, открой сейчас же! – доносится взволнованный голос в ответ.

– Да все в порядке ма-а-а! – тяну я, прикидываясь беззаботной дурочкой.

Щелкает замок, и в комнату врывается ураган, точнее, моя мать.

– Как ты, все в порядке! – трещит она, как испуганная сорока. А зачем воду в ванну набрала?

– Согреться хотела, объясняю я этой клуше. – Повздорила с одноклассниками и полетела домой без куртки. Замерзла!

Мать еще о чем-то говорит, а я замечаю, что из двери выглядывает Парфенов. Так вот кто «пожар» устроил! Парфенов в нашем классе новичок – только в этом сентябре в нашу школу перевелся, так что я еще не разобралась, чего он стоит. Но, как видно, совать свой нос в чужие дела любит. Вот я ему этот любопытный нос чуть не прищемила, когда захлопнула дверь квартиры.

Мать все что-то выясняла, а я пошла, легла в сою кровать прямо в одежде и с головой одеялом укрылась, чтобы ничего не слышать и ничего не видеть.

Проснулась, а вокруг темно. Я сначала подумала, что все еще под одеялом. Нет. Ощупала все вокруг – лежу на чем-то колючем. Где это я? Может, я, действительно, того?.. Может, я уже там, куда совсем еще недавно так стремилась? Вокруг, как в таких случаях говорят, адская тьма. Честно скажу, испугалась. Лежу, трясусь в ужасе. И вдруг откуда-то тусклый такой свет, слово из-за угла. Да, я про свет, который чудится тем, кто расстался с жизнью, где-то читала. Вот из-за угла выплывает неяркий круг света. Ага, да это же обыкновенная свеча, которую держит незнакомая девушка. Ее черты лица, подсвеченные снизу, как страшная маска. На голове у девушки какой-то дурацкий колпак.

Что за маскарад? И где я? Только кирпичную стену неясно освещает свеча, а потолка не видно. Он теряется где-то в полумраке. А, может, его совсем нет? А мы в какой-то страшно глубокой яме.

– Пора вставать, – слышу я знакомый голос. Да это же Нелька, моя так называемая подруга. Подшутить вздумала. Сейчас я ей отомщу за все! Я потихоньку ощупываю пол вокруг себя, ага, какая-то тряпка возле меня. Беру ее и подкрадываюсь к моей бывшей подруге сбоку.

– А-а-а! – кричу грозно и хлещу изо всех сил по Нельке, по свече, по всему, что так не люблю в ней. Свеча, естественно, гаснет, и я больше ничего не вижу. Стою, затаив дыхание, ну как Нелли вздумает мне дать сдачи. И слышу рядом спокойный голос, как я твердо уверена, теперь уже бывшей моей подруги:

– Ну вот, свечу зажечь больше нечем. Будем сидеть в темноте.

Я молчу. Она тоже. Слышу, как она садится на пол, устраивается удобней, шурша тем самым колючим, чем, как я поняла, устан весь пол.

– Возьми мешок, укройся! – слышу ее голос. – Скоро станет холоднее.

Не собираюсь ее слушаться, вот еще, предательница. погоди, я тебе еще отомщу. Скажу новенькому, ну, Косте Парфенову, что ты в него влюблена. Посмотрю, каково будет тебе, когда все над тобой начнут смеяться! Сидим в полной, я бы сказала, кромешной темноте. Молчим.

Вдруг чьи-то шаги – топ, топ, топ... Нет, это какое-то животное. Слышно тяжелое дыхание, потом грозное рычание.

– Пошла вон! – кричит испуганно Нелька.

В ответ клацанье зубами.

– Ах ты, гадина! – опять ревет Нелька. – Пошла вон! Пошла вон!

По легкому свисту над головой понимаю, что Нелька размахивает той самой тряпкой, которой я ее угостила. Слышен громкий лай.

– Иди, иди, собачка, – прошу я невидимого в темноте противника.

В ответ кто-то, конечно же, невидимый мной пес, дышит мне в лицо. Запах не из приятных. Холодный нос коснулся моей щеки.

– Песик! – прошу я жалостливо. – Иди, милый, своей дорогой!

Слышно, как животное убегает. Ну, наконец-то!

– Как это тебе удалось? – интересуется Нелька.

Я, молча игнорирую ее вопрос.

– Ты что, обижаешься, что я съела твой кусочек хлеба? – не отстает Нелька. – Так ты прости меня, пожалуйста! Так мне вчера вдруг есть захотелось.

Чувствую, что мне самой хочется есть. Ведь я в школе ничего не ела, а потом дома не до этого было. А теперь вот возвращаются прежние человеческие чувства. Да и в помещении, в котором мы находимся, действительно становится заметно холоднее. Лежу и размышляю: «Если чувства во мне живы, да и Нелька здесь, тогда я, точно, живая. Тогда где я?»

– Слушай, – обращаюсь я к своей бывшей подруге, – объясни мне, где это мы находимся?

– Ты что прикидываешься? – слышу ее голос.

Терпение мое иссякает:

– Я прошу раз в жизни, заметь, простым человеческим языком, объясни коротко, но толково – где мы сейчас находимся?

Слышу, как Нелька тихо от меня отодвигается, осторожно шурша тем колючим, на что опирается и моя рука.

– Так тебе совсем память отшибло, – слышу ее испуганный голос, – после того, как наш хозяин тебя по голове огрел за непослушание?

Честно сказать, голова у меня действительно болит, и я даже нащупываю у себя на затылке огромную шишку. И это меня больше всего бесит, так как я не помню происхождение шишки на затылке.

– Слышишь, все, надоело! – срываюсь от совершенно непонятной ситуации. – Или ты говоришь, где мы, или я тебя сейчас, честно говорю, удушю!

Слышу, как Нелька отползает от меня еще дальше, потом робко начинает:

– Мы в подвале замка, где всегда прячемся от солдат днем. Я шла к тебе, чтобы позвать на поиски чего-нибудь съестного. Солдаты уже ушли из обеденного зала, и теперь наше время убирать там. Заодно полакомимся обедками.

Меня даже передернуло – обедками. До такого я в своей жизни никогда не доходила. А еще жаловалась, что живу плохо с родителями. Обедки, но так хочется есть! Да и помыть посуду за собой для меня было всегда впадлу, а здесь убирать за кем-то. Но есть так хочется! Не знаю, куда меня занесло, но жить как-то дальше надо.

– Пошли! – командую и неловко встаю в темноте.

– Как пошли, – жалуется Нелька, – ты же меня как мешком, спасибо, хоть пустым, стукнула, так свечу из рук и выбила. Как в темноте по крутой лестнице подняться? А еще умной себя считаешь! Из-за кусочка хлеба готова убить!

Да, хоть и говорят, что «темнота – друг молодежи, мол, в темноте не видно рожи», но как-то неприятно впотьмах. Ощупываю себя. Ага, мои школьные брюки, свитер. Что это в кармане?

Нечто прямоугольное. Точно, спичечный коробок, который я на первой перемене у Акимцева отняла за то, что он в классе спички жег. Могу ли я такое терпеть?

– Слушай, – обращаюсь я к Нельке, – не валяй дурака Америка, а лучше найди свечу.

Сама начинаю, согнувшись, ощупывать пол вокруг себя. То, чем усеян пол, шуршит и покалывает руку. Ага, догадалась, это же обычная солома! А это что такое, на ощупь цилиндрическое? Точно, свеча! Сейчас мы ее зажжем. Чиркнула спичкой – и загорелся в темноте маленький, такой беспомощный огонек.

Ойкнула Нелька и отпрыгнула куда-то в сторону. Но я не обращаю внимания на эту странную девушку – пускай прикидывается! Главное, чтобы свеча загорелась. Подсовываю под спичку фитилек. Он злобно трещит, но постепенно загорается. Вот уже в моей руке горящая свеча. В ее свете многое не рассмотреть. Но вот Нелькин видок меня порадовал. Чумазая, одетая в какой-то балахон вместо платья, а на голове – какой-то колпак! Приглядываюсь. Боже, так это обычный мешок, который одет на голову одним углом. Вот потеха! Видел бы ее сейчас Парфенов, по которому она тайно сохнет! Хоть какое там тайно! Недаром же говорят, что все тайное становится когда-нибудь явным. А для того, чтобы понять, что Нелька неровно дышит к Парфенову, достаточно посмотреть на ее лицо, когда она к нему обращается. Мол, Парфенов то, Парфенов се, тру-лю-лю, тра-ля-ля, трулялюшеньки-ля-ля!

– Что это на тебе? – слышу голос своей бывшей подруги.

Вот чудо гороховое! Лучший мой свитер.

– Лучше на себя посмотри, – советую ей. – На чучело сама похожа!

– Нет, – не соглашается бывшая подруга, – это ты сама чучело чучелом! Мужские брюки на себя надела. Попадись ты на глаза начальнику стражи, он тебя еще раз по башке шандарахнет. Тогда уж точно больше не встанешь! Странная ты какая-то! И на меня бросаешься из-за мелочи, как злая змея! Ясно, это после удара по голове!

Что спорить, если есть действительно хочется.

– Пошли! – команду.

А та упирается, мол, никуда с тобой не пойду, пока ты в женское платье не переоденешься. Уперлась, как только Нелька может. Одной идти страшно. Пришлось согласиться на переодевание. Сверху на брюки и свитер надела балахон, который Нелли отыскала где-то в углу среди соломы. На голову водрузила мешок. Что ж, маскироваться, так маскироваться!

Наконец двинулись. Впереди идет Нелька, которой я не без сожаления передала свечу, а я за ней. Страшно в темноте. Подруга моя бывшая бодро идет вперед, потом ловко начинает подниматься по лестнице. Я за ней еле успеваю – не привыкла бегать в темноте. Да и лестница очень крутая. Выходим в какой-то странный коридор. Идем по нему довольно долго. Я даже боюсь оглядываться по сторонам. Вот какая-то дверь. Нелли осторожно ее приоткрывает и заглядывает внутрь. Поверх ее головы, я всегда была ее выше, заглядываю и я.

Посредине большого зала, тускло освещенного догорающими факелами, стоят столы. Людей не видно. Нелли бросается к столу и начинает что-то выбирать и совать себе в рот. Осторожно подхожу и я. Подозрительно приглядываюсь к тому, что лежит здесь. Действительно, какие-то объедки! Нелли, выхватив из-под моего носа плохо обглоданную кость, впивается в нее зубами. Тьфу, даже смотреть противно! Но есть все равно хочется. Наконец, отыскала нетронутую часть каравай хлеба. Попробовала, вроде ничего, есть можно, когда очень хочется. Взяла высокий металлический кувшин, понюхала. Видимо, вино. Пригубила. Кислое. Но пить хочется! Нелли увлеклась так, что не обращает на меня никакого внимания. Я обошла стол, приглядываясь к украшению стен. Да какое там украшение – голая каменная кладка. Да и столы ничем не застелены и, скорее всего, грязные!

– Хватит трескать! – раздался зычный голос. Какая-то дама выглядывает из-за двери, зажимая нос двумя пальчиками. Да, запах еще тот. Но, как говорится, не до жиру, быть бы живу.

Нелли бросается в угол и тащит какие-то две деревянные бадьи, потом начинает ловко в них сгребать все со стола. Я пытаюсь ей неумело помогать. Набрал бадейки, мы тянем их на двор и дальше в свинарник. Это я определила по тому, что оттуда доносится свиной визг. На небе большая полная луна, так что можно рассмотреть странный средневековый замок с башенками и острыми крышами.

Свинарник представляет собой бревенчатый сарайчик, в котором дружно хрюкают поросята. Вонь оттуда неимоверная! Но я отваживаюсь и заглядываю внутрь через дверь. Ничего толком не разобрать – только видно загородку, а за ней огромные тени. Я даже не отважилась зайти внутрь. Пришлось Нельке тащить бадью одной. С ужасом слушаю, как оглушительно визжат довольные поросята в борьбе за лучший кусок. Пришлось так сходить несколько раз, пока очистили столы. Потом стали метлами из голых прутьев подметать пол. Потом мыть пол и стол, набрав воду из колодца во дворе. Причем, все – и пол, и стол – мыли из одной и той же бадьи!

Колодец такой темный и, видимо, глубокий. Долго приходилось разматывать цепь, пока колодезная бадейка, окованная железом, не достигнет воды, звеня цепью и плескаясь там, где-то в черной глубине. Потом бесконечно долго наматывали цепь на ворот колодца, вращая огромный круг. С бадейки срываются капли и со странным звуком разбиваются где-то далеко о поверхность воды. Жуть! А еще как холодно!

– Почему так холодно? – спрашиваю я Нелли. Но та зажимает мне рот своей грязной, дурно пахнущей рукой и шепчет на ухо, мол, осторожно, часовой.

Наконец работа закончена, и мы возвращаемся в свой подвал, на солому. Я устала так, что еле иду, а руки, будто свинцом налиты. В подвале довольно прохладно, но не так, как снаружи. Мы, собрав больше соломы, укладываемся на нее и накрываемся своими мешками. Нелька гасит свечу. Холодно! Мне не спится. Хочется объяснений всему этому. Да и кушать хочется. Хорошо, что воды хлебнула из бадейки у колодца. Нелли, после моей просьбы дать что-нибудь съестное, щедро протягивает мне большой такой ломоть хлеба, который запасливо спрятала у себя за пазухой.

– Слушай, будь человеком! – пристаю я к своей бывшей подруге, – Расскажи мне все подробно – где мы, что мы, зачем мы? Та отнекивается, мол, спать хочется, но я не отстаю.

И все же Нелли сдается и начинает меня, по ее словам, потерявшую память от хорошего удара по голове, просвещать.

– Мы – служанки в Черном замке – всегда ими были, – вещает она в темноте. – В замке есть хозяйка – это та дама, что нас подгоняла с уборкой. Сторожат замок солдаты – страшные головорезы, которым лучше под руку не попадаться. А командует ими капитан Олдс – страшный такой и злой здоровяк. Он хуже всех! Поэтому днем путь вверх закрыт. А солдаты боятся привидений, поэтому не решаются спускаться в подвалы замка.

После этих слов я стала оглядываться по сторонам – больше боялась, конечно, привидений, чем мифических каких-то солдат. Хоть, кажется, кто-то идет. Привидения так громко не топают.

– Солдат! – шепчет мне на ухо Нелли. – Прячься скорее в соломе где-нибудь в углу.

Сама она потихонечку отползает в темноте куда-то в сторону. Я за ней. Осторожные шаги приближаются.

– Где же фонарь, где я его оставил? – слышно бормотание мужчины. – Где же мое огниво? Ага, вот оно!

Человек высекает искру, и что-то легко воспламеняющееся занимается осторожным огоньком. Ждать нельзя – сейчас огонь разгорится и мужчина, по голосу слышно, что он в изрядном подпитии, увидит нас. А еще подожжет солому, тогда нам придется худо. Я беру свой мешок и – бах по огниву. Это я уже проделывала раз с моей бывшей подругой Нелли. Мужчина застыл, прислушивается. Потоптался на месте.

– Ну, я вас! – кричит зло. – Вот только вернусь с фонарем, я вам покажу, где раки зимуют! Мужчина, осторожно ступая, видимо, касаясь рукой стены, уходит. Слышно, как поднимается по лестнице, гулко топая ногами. Постепенно шаги затихают.

– Что будем делать? – шепчу тихонечко, но Нелли меня слышит.

– Нужно уходить отсюда, – так же тихонечко говорит она в ответ. – Если он вернется с подкреплением, нам придется несладко.

– А куда идти? – громко спрашиваю я. – Ты тут все знаешь – води!

– Зажигай свое странное огниво, – командует Нелли.

Я зажигаю спичку – осталось еще штук 15. Нелли с любопытством смотрит на огонек спички.

– Свечу давай! – распоряжаюсь я.

Мы зажигаем свечу и движемся к лестнице, которая ведет из подвала. Нелли идет впереди, а я за ней.

– А если он нас поджидает наверху, – шепчет Нелли.

Я ей объясняю, что оставаться в замкнутом помещении подвала еще более опасно, чем идти наверх. Осторожно ступая, поднимаемся по лестнице. Вот и коридор, в который выходит лестница. Здесь, кажется, пусто.

– Куда идти дальше? – спрашиваю я.

– Если повернуть налево, – объясняет моя бывшая подруга, – там начинается зал, в котором находится дракон.

– Да ну! – смотрю на нее с недоверием. – Шутишь?

– Какие шутки! – обижается Нелли. – Если бы тебя не стукнули по голове, ты бы это также помнила.

Что спорить. Я уже убедилась, что попала в какой-то странный мир, в котором встретила свою бывшую подругу и вынуждена с ней общаться и даже находиться под ее покровительством. Только вот Нелли считает, что всегда находилась в этом мире. По ее словам, вроде бы, и я часть этого мира. Какое-то параллельное пространство. Как я сюда попала? Вены я себе точно не резала, только спряталась под одеяло и заснула, кажется. Теперь я здесь.

– Расскажи о драконе, – прошу я эту странную девушку, похожую на Нелли из нашего класса, с которой я дружила до сегодняшнего дня. И дружила-то потому, что больше не с кем. Вот такая я сама настоящая подруга!

– Это старый дракон, который, как говорят, раньше жил со своей подругой, но та умерла от ран, – шепотом рассказывает девушка, похожая на мою бывшую подругу, которую я раньше принимала за нее.

– А кто ее ранил? – интересуюсь я совершенно естественно для нормального человека, который слушает такие дикие истории.

– Ты и этого не помнишь! – обижается Нелли. – Очередной претендент на руку спящей принцессы – рыцарь или принц.

– А чего это они, ну, претенденты, набрасываются на дракона? – совершенно естественным тоном интересуюсь я, хоть мне хочется смеяться над наиглупейшей ситуацией, в которой я очутилась.

– Тебе, после того удара по голове, – начинает девушка, похожая на Нелли, – все приходится объяснять, как ребенку. Так слушай! В этом самом замке, в котором мы служанки, в самой высокой башне, лежит в стеклянном гробу спящая принцесса. И тот рыцарь или принц, который ее поцелует, станет ее мужем. Ведь принцесса после поцелуя проснется. Она такая красивая, да еще и богатая. Ее мужу достанется половина царства.

– А ты ее видела? – недоверчиво спрашиваю я, так как с трудом представляю, что попала в обычную сказку о спящей принцессе, которую так любила в детстве.

– Да, я ее видела, – совершенно серьезно объясняет девушка, похожая на Нелли, – мне Соланж, которая прислуживает наверху, в башне, показала.

– Кстати, – совершенно будничным тоном интересуюсь я, – не помнишь, как тебя зовут?

– Ты и этого не помнишь! – еще больше, чем прежде, удивляется девушка. – Я Неалина!

– А я? – совершенно естественным тоном интересуюсь я.

– Что, ты? – удивленно спрашивает эта Неалина.

– Как меня зовут? – теряю я терпение.

– Ты Веалина, – совершенно серьезно объясняет моя, если так можно выразиться, новая старая знакомая.

– Хорошо, – решаюсь я, – веди, куда хочешь, лишь бы подальше от солдат!

– Пойдем к Венлею, – предлагает эта так называемая Неалина.

– А это кто такой? – никак не могу уяснить себе я, запутавшись в обилии новых имен.

– Это старый дракон, который живет здесь, за этой окованной металлом дверью.

– Объяснение принято, – соглашаюсь я. – Двигаем вперед.

– Только ты тише, – напутствует меня странная девушка, так похожая на Нелли, – и не делай, пожалуйста, резких движений, а то дракон как полыхнет.

– А что, он еще и огнем плюется? – не верю я своим ушам, хоть в сказке все бывает. Как я понимаю, попала я именно в сказку. Просто, все сказочные атрибуты налицо: замок, высокая башня, спящая принцесса, дракон...

Неалина просит меня подождать у двери. Сама куда-то исчезает и возвращается с полной бадьей, еле волоча ее за собой. Я бросаюсь на помощь. Вдвоем мы подволакиваем бадью к окованной железом двери. Неалина осторожно ее открывает, и мы проникаем внутрь. И в самое время, из коридора доносится шум. Я осторожно закрываю за собой дверь и выглядываю из-за спины Неалины. Света от свечи не хватает, чтобы осветить огромный зал, свод которого подпирали уходящие в темноту колонны. Где же дракон? Но тут раздается громкий вздох, будто где-то рядом устроился на ночлег слон.

– Венлей, – начинает робко Неалина, – это мы с Веалиной пришли к тебе. Вот немного еды для тебя.

В ответ раздается громкий вздох и тихий храп.

– Видишь, – шепчет Неалина, – он рад нас видеть. Стой на месте, а я сейчас отнесу ему бадью с объедками.

Я рада подчиниться столь мудрому приказанию. Ведь животное не обманешь – оно сразу узнает, кто перед ним. Какая я Веалина, если я Валя! Неалина берет в одну руку свечу, а другой тянет тяжелую бадейку. Я в ожидании топчусь у двери. И вперед идти не хочется, и назад хода нет – слышу за дверью топот и голоса. Видимо, нас уже ищут.

Притаившись, я наблюдаю, как Неалина подходит к какой-то темной горе размером с обычный одноэтажный коттедж, конечно, если учитывать и высокую крышу. Гора только громко вздыхает. Неалина подходит еще ближе. Вот смелая! Гора медленно поднимается на большие колонны-ноги, а сверху, на длинной шее, опускается, словно лошадиная, голова с гребнем, как у петуха, только огромного. Все это сопровождает громкий звон цепи. Неалина ловко высыпает содержимое бадьи. Животное начинает подбирать с пола объедки, как-то грустно чавкая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.